

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ, в ред. от 30.12.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 25 мая 2013 г. М., 2013.

18. Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary. 9th ed. A Thomson Reuters business, 2009.

19. Free legal dictionary. URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 20.01.2017).

Об авторе

Карине Грачиевна Ибрагимова — ст. преп., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет).

E-mail: carina.ibragimova@gmail.com

33

About the author

Karine Ibragimova, senior lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University).

E-mail: carina.ibragimova@gmail.com

УДК 81-112

О. В. Петешова

ОЙКОНИМИКА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕМОРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Сопоставлены названия населенных пунктов Калининградской области, увековечивающих значимые события и выдающихся людей, с ранее использовавшимися на данной территории прусскими мемориальными ойконимами, которые были переименованы в 40-е гг. XX в. Внимание уделяется как семантике указанных топонимических единиц, так и способам их согласования.

The author performs a comparative analysis of contemporary and previous names of settlements in the Kaliningrad region. The place names often reflect highly important historical events or are the names of outstanding people. Old German place names were changed in the 1940s of the 20th century. The author highlights the semantics of the toponymic units and the ways of their correlation.

Ключевые слова: ойконим, антропотопоним, патронимический топоним, мемориальный топоним, переименование.

Key words: German placenames, anthroponym, patronymic toponym, commemorative toponym, renaming.

В современной ономастике выделяются две основные группы географических объектов, названных личными именами людей, — патронимические топонимы, возникающие на основе имен, фамилий и прозвищ первопоселенцев или владельцев соответствующих объектов, и

мемориальные топонимы, сохраняющие для потомков имена исторических деятелей или обозначения событий, обладающих особой значимостью с точки зрения конкретной культуры [1, с. 65].

Общеизвестно, что наибольшее количество топонимических единиц с мемориальной функцией можно встретить в группе названий городских объектов — урбанонимов, однако название населенных пунктов в честь выдающихся личностей также является универсальной топонимической закономерностью [5, с. 94], действующей в том числе применительно к ойконимике Калининградской области.

При изучении ойконимов данного региона мы учли специфику его исторического развития и поставили себе целью сопоставить мемориальные названия, распространенные на его территории во времена вхождения в состав Северо-Восточной Пруссии («исходные топонимы»), и «новые топонимы» с мемориальной семантикой, введенные в обиход населения после присоединения региона к СССР и последовавшего переименования географических объектов. Среди 1986 пар «исходный — новый ойконим», перечисленных в указах о переименовании калининградских населенных пунктов (см.: [6]), пары, включающие в себя хотя бы одну мемориальную единицу, составляют около 25 % (это 475 пар).

Интересен тот факт, что лишь в одном из пяти указов — документе, вступившем в силу в 1946 году, доля упомянутых мемориальных ойконимов по-настоящему велика (50 %) и легко объясняется внесением в этот указ исключительно крупнейших районных центров вновь образованной области, названия которых по идеологическим причинам должны были в особой мере нести новую социокультурную информацию, закрепляя изменение территориальной принадлежности региона (например, города *Гурьевск*, *Гусев*, *Ладушкин* и *Нестеров* были названы именами советских военнослужащих, сыгравших ту или иную роль в Восточно-Прусской боевой операции). В остальных документах число мемориальных ойконимов колеблется в промежутке 21 — 33 % от общего числа измененных номинаций.

В ранее опубликованных работах по антропотопонимике отмечалось, что в целом по России именно мемориальные топонимы в количественном отношении преобладают над антропотопонимами патронимического типа, в то время как в большинстве европейских стран имеет место обратная тенденция [2, с. 22]. Осуществленный нами сравнительный анализ продемонстрировал справедливость данного утверждения и для исследуемых нами регионов, разделенных лишь во времени. В исходном языковом материале из 160 антропотопонимов мемориальный характер носят только 45; в новом, напротив, из 387 антропотопонимических единиц (мы видим, кстати, что их общее количество ощутимо превосходит массив соответствующих прусских номинаций) 298 увековечивают выдающихся людей и значимые события.

Рассмотрим **семантику** исходных и новых мемориальных ойконимов в отдельности. Что касается прусских географических названий этого типа, то все они связаны с именами людей, причем 93 процента

(42 номинации) — с именами немецких королей и членов их семей (например, *Wilhelmshof* — «Двор Вильгельма», *Luisenhof* — «Двор Луизы», *Karlswalde* — «Лес Карла»). Среди современной российской мемориальной ойконимики разграничиваются географические названия, в основу которых положены фамилии знаменитых представителей следующих довольно разнообразных профессиональных групп:

1. Военнослужащие (88 единиц, или 32 % калининградских мемориальных ойконимов): *Талалихино*, *Панфилово*, *Гастеллово*, *Покрышкино* и др. Бросается в глаза то обстоятельство, что именно данной семантикой характеризуются 6 из 7 мемориальных названий крупнейших районных центров области, примеры которых были приведены выше.

2. Писатели (74 единицы, или 27 %): *Толстово*, *Островское*, *Грибоедово*.

3. Революционеры (24): *Куйбышевское*, *Фрунзенское*, *Дзержинское*.

4. Ученые (24): *Тимирязево*, *Мичурино*, *Менделеево*.

5. Политики (16): *Калининград*, *Калининское*, *Кошевое*.

6. Литературные критики и декабристы, придерживающиеся революционных взглядов (13): *Добролюбово*, *Белинское*, *Каховское*.

7. Народные герои (12): *Пугачёво*, *Разино*, *Ермаково*.

Помимо этого зафиксированы и единичные случаи закрепления в семантике ойконимов указаний на другие профессиональные группы: наименования в честь путешественников типа *Дежнёво*, композиторов типа *Чайковское* и даже меценатов типа *Третьяково*.

Отдельно остановимся на **происхождении** новой мемориальной ойконимики. Речь идет о том, что, например, советских людей и события из советской действительности увековечивает чуть больше половины (58 %) калининградских географических названий, в частности 7 из 8 упомянутых крупных районных центров (кроме *Багратионовска*) и все без исключения названия населенных пунктов, данные в честь тех или иных событий (это 24 ойконима, 5 из которых сопряжены с Великой Отечественной войной, а остальные — с революцией 1917 г.). Прочие мемориальные ойконимы Калининградской области не обязательно имеют русское (то есть досоветское) происхождение. Так, шесть населенных пунктов региона получили имена выдающихся иностранцев, осуществлявших революционную или научную деятельность в идеологически близком новому правительству ключе (*Тельманово*, *Дарвино*, *Марксово* и т. п.).

В ходе исследования наш особый интерес вызвала проблема **связи** личностей, фамилии или имена которых были выбраны в качестве мотивирующих при мемориальных номинациях, с историей конкретного месторасположения соответствующих географических объектов. Выяснилось, что такая связь прослеживается применительно к 67 % исходных антропотопонимов. Правда, большинство из них являются патронимическими топонимами, а мемориальной ориентацией обладают лишь 30 ойконимических единиц, в числе которых — названия по имени 28 прусских правителей типа знаменитой королевы Луизы, жены прусского короля Фридриха-Вильгельма III (*Luisenthal*), или прусской принцессы Шарлотты (*Charlottenhof*), а также по имени вождя древних пруссов Гирдава (*Gerdauen*) и прусского генерала-фельдмаршала Фридриха Вильгельма фон Грумбков (*Grumbkowsfelde*).

В рамках нового языкового материала нам удалось обнаружить еще меньше случаев проявления интересующей нас связи человека с территорией — всего 8 %. Во всех этих случаях имеются в виду военнослужащие. Так, трижды фигурирует имя героя Отечественной войны 1812 г. князя Петра Ивановича Багратиона, который во время войны с Наполеоном в 1807 г. возглавил русские войска, прикрывавшие отступление русской армии к Тильзиту (сегодня — городу Советску Калининградской области). Еще 21 населенный пункт носит фамилии советских военнослужащих, которые участвовали в военных действиях, проводимых в Северо-Восточной Пруссии в 1945 г. Многие из них похоронены в поселках, названных их именами. Примерами мемориальных ойконимов такого рода служат *Нестеров, Мамоново и Волостново*.

В контексте нашего анализа не могла не обратить на себя внимание и определенная **повторяемость признаков**, положенных в основу сразу нескольких мемориальных номинаций. В сфере немецкоязычной ойконимики повторяются, как правило, лишь имена королей. В частности, мы насчитали 13 ойконимов с первым компонентом *Friedrich-*, 8 — с первым компонентом *Karl-*; для 4 топонимов первым компонентом является имя *Luise*, для 3 — *Charlotte*. Второй компонент в подобных названиях географических объектов обычно варьируется. Например, вторым компонентом ойконимов, посвященных Фридриху, может быть не только повторяющийся элемент *-Walde*, но и элементы *-Stein*, *-Ruh*, *-Felde*, *-Flur*, *-Dorf*, *-Berg*, *-Burg*, *-Buld*, *-Thal*.

Ситуация с повторяющимися калининградскими ойконимами выглядит несколько иначе. Почти все «событийные» мемориальные ойконимы образованы от основ, указывающих на первостепенную значимость для региона трех основных событий: Первая (42 %), Октября (25 %) и Победы в Великой Отечественной войне (25 %), однако при образовании географических названий допускается определенная вариативность (см.: *Победа – Победино – Победное, Октябрьское – Краснооктябрьское*). Среди ойконимов, мотивированных признаком «выдающаяся личность», повторяемость проявляется в меньшей, но тоже достаточно высокой степени. Особенной частотностью характеризуются троекратные повторы отфамильных номинаций (к примеру, от фамилий Гоголь, Тимирязев или Тургенев), но имеются и пятикратные (обозначения от фамилий Ульянов и Пушкин) и даже десятикратные повторы (названия в честь Н. А. Некрасова). Вариации в звучании конкретных ойконимов при этом также возможны (см.: *Ульяновка – Ульяновское, Суворово – Суворовка, Багратионово – Багратионовское – Багратионовск, Некрасово – Мало-Некрасово*).

Необходимо подчеркнуть, что при работе с новой ойконимикой региона возник ряд **трудностей**, касающихся трактовки географических названий как патронимических или однозначно мемориальных. Дело в том, что некоторые мемориальные ойконимы (например, *Гаврилово, Петровское, Гордеево*; их связь с советскими военнослужащими, участвовавшими в Восточно-Прусской операции, легко устанавливается с опорой на документальные материалы) по модели своего образования практически не отличаются от номинаций, которые в любой другой

области России, скорее всего, были бы причислены исследователями к местной патронимической ойконимике (типа *Афанасьёво* или *Борисово*). Тем не менее любому ономасту понятно, что в Калининградской области просто не могут существовать подлинно патронимические названия в честь первопоселенцев или владельцев, поскольку соответствующие населенные пункты были основаны задолго до включения рассматриваемой территории в состав СССР. Отсюда очевидно, что немемориальные топонимические единицы на региональных картах, напоминающие антропотопонимы, следует считать топонимами-мигрантами, то есть дублерами названий тех населенных пунктов, из которых вышли советские первопоселенцы калининградских деревень. Наша догадка подтверждается архивными данными применительно к 10 поселкам области (*Никитино, Петино, Владимировка* и др. [3]).

37

Привлечение архивных источников могло бы существенно облегчить толкование внутренних форм местных мемориальных ойконимов. Вместе с тем сохранились документы с пояснениями по поводу новых географических названий лишь для 7 из — на сегодняшний день — 16 районов Калининградской области, но и в этих документах имеются пометки, касающиеся только 72 мемориальных топонимов (а это всего 18,6 % наличного языкового материала). Из них 23, то есть 32 % единиц, трактуются как переименованные «произвольно» или «по желанию населения», что, естественно, не способствует раскрытию их мотивирующих признаков. Все документальные подтверждения довольно лаконичны. Приведем примеры:

— *Григорьево* — по фамилии подполковника Григорьева, похороненного в этом селе;

— *Донское* — из истории родины, в память Дмитрия Донского;

— *Сидорово* — подполковник Сидоров погиб в этом селе.

При анализе «Материалов о переименованиях населенных пунктов» [3] становится ясно, что без исчерпывающих сведений такого плана ни одно из описаний региональной ойконимики в мемориальном аспекте нельзя оценивать как стопроцентно верное. Доказательством может послужить ряд ложных трактовок номинаций областных поселений, допущенных нами до обращения к архивным источникам:

— шесть ойконимов, не являющихся антропотопонимами, были первоначально отнесены к числу мемориальных (в то время как, согласно пометкам в документе, тот же поселок *Пушкинское* «переименован по старому местожительству колхозников», а поселок *Тимофеевка* назван так, потому что «вблизи много травы тимофеевки»);

— шесть мемориальных ойконимов, наоборот, сначала были ошибочно исключены нами из исследования, но, например, поселок *Свобода* получил свое название «в честь освобождения бойцов из фашистского плена», то есть в честь культурно значимого события;

— в четырех случаях толкования мотивирующих признаков мемориальных номинаций оказались ложными. В частности, один из расположенных в Калининградской области поселков *Первомайских* назван не по идеологическим причинам, а по дате прибытия в него советских первопоселенцев.

Завершить наш обзор хотелось бы логичной характеристикой степени **согласованности** исходных и новых мемориальных ойконимов при переименованиях, которую целесообразно квалифицировать как минимальную. Лишь в 10 случаях имеет место так называемая идеологическая антонимия, когда исходный топоним сопряжен с идеологией прусского королевства, а заменяющий его новый топоним связывается в сознании людей с идеологией и культурой нового советского государства. При этом отметим, что на место имен королей в качестве мотивирующего признака приходят даже не имена революционеров или прокоммунистически настроенных общественных деятелей, а фамилии русских писателей (как в паре *Karlsdorf* → *Грибоедово*) или советских военных (*Ludwigsfelde* → *Серёгино*). Это доказывает, что указанная идеологическая антонимия носит нерезкий характер. Более того, остальным исходным мемориальным топонимам в новой культуре соответствуют вполне нейтральные названия типа *Набережное*, *Дубки*, *Бруски* или *Детское*.

Еще одним аргументом в пользу того, что какие-либо, даже косвенные семантические согласования между мемориальными ойконимами Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области отсутствуют, служит появление русских мемориальных номинаций чаще всего вместо:

– нейтральных неантропотопонимических единиц (*Майково* вместо *Neupark* – «Новый парк», *Анохино* вместо *Eichwalde* – «Дубовый лес», *Пугачёво* вместо *Grenzwald* – «Приграничный лес»);

– географических названий, семантически не ясных советскому руководству в силу их не немецкого, а прусского происхождения (*Löbeggallen* → *Толстово*, *Knolofken* → *Панфилово*, *Eydtkuhnen* → *Чернышевское*);

– всего 45 идеологически ненагруженных патронимических ойконимов (*Paulshof* – «Двор Пауля» → *Сусанино*, *Peterlauken* – «Место Петра» → *Маяковское*, *Petersdorf* – «Деревня Петра» → *Куйбышевское*).

Таким образом, в качестве единственного способа согласования исходных и новых региональных ойконимов, имеющих мемориальную или патронимическую семантику, помимо выше описанной идеологической антонимии, мы называем аллюзию, под которой понимается фонетическое сходство двух топонимических единиц с разной семантикой. Впрочем семь представленных в нашем языковом материале иллюстраций такого согласования (например, *Wesselshöfen* – «Дворы Весселя» (где Вессель – немецкая фамилия) → *Василевское* или *Мейкен* (поселение получило имя своего владельца Ганса фон Шпет-Майкена) → *Майское*) обнаруживают лишь весьма отдаленное фонетическое сходство.

Все оговоренные в настоящей статье спорные моменты по поводу функционирования мемориальной ойконимики в Калининградской области не отменяют общего настроения российского населения на увековечивание памяти людей и событий в названии географических объектов, который, конечно, едва ли достоин абсолютно положительной оценки. Однако, согласно опросам, проведенным в двух регионах страны – Ярославском и Красноярском, однозначно за рост количества мемориальных номинаций выступают чуть более 30 % информантов [4,

с. 294–295], а значит, и мемориальный аспект кампании по переименованию калининградских населенных пунктов не стоит рассматривать исключительно в негативном ключе.

Список литературы

1. Басик С. Н. Общая топонимика. Минск, 2006.
2. Иванова И. Г., Загайнова Е. И. Национально-культурные особенности мемориальных топонимических названий во французском и русском языках // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. 2015. №2. С. 18–28.
3. Материалы о переименовании населенных пунктов // Материалы Государственного архива Калининградской области 297.1.31.
4. Разумов Р. В. Активные процессы в урбанонимии Российской Федерации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. Ярославль, 2014. С. 290–307.
5. Сударь А. М. Социокультурный аспект изучения мемориальных топонимов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. №13. С. 94–103.
6. Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области 297.1.102а.

Об авторе

Ольга Викторовна Петешова – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: peteshova_olga@rambler.ru

About the author

Olga Peteshova, PhD in Linguistics, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: peteshova_olga@rambler.ru